

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ДРАЙВЕРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ*

ЯКОВЛЕВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

*кандидат экономических наук,
директор Института анализа предприятий и рынков,
профессор департамента государственного и муниципального управления,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва,
e-mail: ayakovlev@hse.ru*

КАЗУН АНТОН ПАВЛОВИЧ,

*младший научный сотрудник
Международного центра изучения институтов и развития,
преподаватель департамента прикладной экономики,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва,
e-mail: kazun.anton@gmail.com*

СИТКЕВИЧ ДАНИИЛ АНДРЕЕВИЧ,

*магистрант экономического факультета,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
e-mail: dasitkevich@gmail.com*

В настоящей статье рассматривается деятельность профессиональных организаций адвокатов как фактор перехода от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа в терминах теории Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста. На основе анализа опыта коллективных действий адвокатов в развивающихся странах предлагается модель, объясняющая процесс мобилизации юридического сообщества для противодействия нарушениям закона со стороны властной элиты. Показано, что коллективные действия адвокатов играют существенную роль во внедрении принципов верховенства права. Однако эффективность подобных коллективных действий в конкретной стране зависит от институциональной мощности соответствующей юридической ассоциации (в терминах работы (Doner and Schneider, 2000)), а также от позиции возглавляющей ее профессиональной элиты. Элита адвокатского сообщества в развивающихся странах стоит перед непростым выбором между отождествлением себя с политической элитой страны и необходимостью реагировать на запрос со стороны рядовых членов профессии, регулярно сталкивающихся с нарушениями закона со стороны представителей власти. На примере различных стран мира мы показываем, к каким сценариям может приводить тот или иной выбор профессиональной элиты, и делаем на этом основании выводы применительно к ситуации в России.

Ключевые слова: адвокат; профессиональная элита; коллективные действия; порядки ограниченного доступа; порядки открытого доступа; профессиональная мобилизация.

* Данная статья является результатом исследований, которые проводились при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году. Авторы благодарны за полезные комментарии А. Хвоцинскому, Е. Ходжаевой, И. Редькину и А. Крохмалюку, а также участникам XVII Апрельской Международной научной конференции НИУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества.

PROFESSIONAL ORGANIZATIONS AS DRIVERS OF SOCIAL CHANGES IN DEVELOPING COUNTRIES

ANDREI A. YAKOVLEV,

*Candidate of Economic Sciences (PhD),
Director of Institute for Industrial and Market Studies,
Professor of School of Public Administration,
National Research University Higher School of Economics, Moscow,
e-mail: ayakovlev@hse.ru*

ANTON P. KAZUN,

*Junior Research Fellow of International Center for the Study of
Institutions and Development,
Lecturer of Department of Applied Economics,
National Research University Higher School of Economics, Moscow,
e-mail: kazun.anton@gmail.com*

DANIIL A. SITKEVICH,

*Undergraduate Student of Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University, Moscow,
e-mail: dasitkevich@gmail.com*

The present paper reviews the activity of professional organizations of advocates as a factor of transfer from limited access order to open access order, in terms of the theory of North, Wallis and Weingast. Using the analysis of the experience of advocates' collective action in developing countries, the paper proposes a model explaining the process of mobilization of the legal community for countering the violations of the law by the ruling elite. It shows that collective action of advocates plays a significant role in implementing the principles of rule of law. However, the efficiency of such collective action in a particular country depends on the institutional capacity of its legal association (in terms of Doner & Schneider (2000)) and on the position of the professional elite that is heading it. The elite of the advocates' community in developing countries is confronted by a difficult choice between identifying itself with the national political elite and the need to respond to the demand of grass-roots members of the profession regularly encountering violations of the law by representatives of the authorities. On the example of various countries, we show, how the choice of professional elite leads to different scenarios, and make conclusions for the situation in Russia.

Keywords: *advocates; professional elite; collective actions; limited access orders; rule of law; mobilization of professionals.*

JEL: *K49, D71, L84.*

Введение

В работе Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста (*North, Wallis and Weingast, 2009; далее NWW*) выдвигается идея о том, что элита в любом обществе сталкивается с необходимостью контроля над средствами применения насилия. По способу решения этой задачи общества можно разделить на два типа. Первым из них являются «естественные государства» или «порядки ограниченного доступа» (ПОД), основанные на распределении между ключевыми элитными группами, обладающими потенциалом насилия, той ренты, которая возникает благодаря созданию барьеров в доступе к экономической и политической деятельности для неэлитных групп. «Порядки ограниченного доступа» способны поддерживать определенные «правила игры» и тем самым обеспечивают стабильность, необходимую для экономического развития. Однако фундаментальная

слабость ПОД заключается в том, что изменения в балансе сил между отдельными группами, а также изменения в потоках ренты (в силу технологических или внешнеполитических шоков) регулярно порождают острые конфликты внутри элиты, которые очень часто ведут к «войне всех против всех», разрушающей достижения предшествующего периода относительной стабильности.

Решение этих проблем развития NWW видят в достижении элитами договоренностей о базовых деперсонализированных (обезличенных) правах и обязанностях для самих представителей элиты (что в дальнейшем становится предпосылкой для внедрения «верховенства права»), а также в формировании элитами механизмов коллективного политического контроля над применением аппарата насилия. Однако для устойчивости таких договоренностей о правах и о механизмах контроля над аппаратом насилия важным является наличие постоянно действующих частных и общественных организаций, не зависящих от государства и способных оказывать давление на власть в случае нарушения достигнутых договоренностей. Анализируя историческое развитие Великобритании, Франции и США, NWW выделяют в качестве таких постоянно действующих организаций политические партии и корпорации. Важность их роли предопределяется тем, что через взаимодействие подобных элитных организаций также может достигаться мирный пересмотр договоренностей о распределении ренты.

Три названных выше условия – верховенство права для элит, наличие постоянно действующих элитных организаций и консолидированный контроль элит над вооруженными силами – NWW рассматривают как «пороговые» для перехода к более высокой стадии развития общества, которую они определяют как «порядок открытого (или свободного) доступа» (ПСД). Ключевой особенностью ПСД является радикальное снижение барьеров доступа к экономической и политической деятельности (через либерализацию экономической активности и демократизацию политической жизни). Эти процессы становятся возможными, поскольку развитие элитных организаций и их способность обеспечивать соблюдение «правил игры», а также достигать мирного разрешения конфликтов снижает для действующих элит риски, связанные с появлением новых сильных игроков в экономической или политической сфере.

Исторический опыт показывает, что в долгосрочной перспективе именно «порядки открытого доступа» оказываются способны обеспечить условия для стабильного социально-экономического развития. Однако до настоящего времени большинство государств по-прежнему относятся к категории «порядков ограниченного доступа». В этом контексте NWW говорят о необходимости более глубокого понимания логики ПОД и изучения закономерностей их развития – в отличие от характерного для многих исследователей, а также для международных организаций фокуса на переход к свободному рынку и демократии (или переход от ПОД к ПСД в терминах NWW).

Однако здесь необходимо подчеркнуть, что исходно концепция NWW была сформирована на исторических кейсах Великобритании, Франции и США XVII-XIX веков. Лишь позднее в 2012 году этот методологический подход был применен к анализу социально-экономического развития ряда современных развивающихся стран – включая Южную Корею, Чили, Мексику, Бангладеш и некоторые другие (*North, Wallis, Webb and Weingast, 2013*). Тем не менее, как в исходной работе 2009 года, так и в книге 2013 года NWW при всей стройности и логичности их концепции весьма схематично описывают процессы формирования организаций, способных в условиях ПОД контролировать соблюдение принципов «верховенства права» и ограничивать применение насилия.

С учетом того, что деятельность подобных организаций является ключевым фактором для устойчивого функционирования зрелых ПОД и важной предпосылкой для их трансформации в ПСД, в данной статье мы хотим проанализировать возникновение таких организаций на примере эволюции адвокатской корпорации как профессионального сообщества.

Наш интерес к данному сообществу обусловлен тем, что объединения адвокатов представляют собой уникальную форму общественной организации, которая официально признается законодательством РФ как структура гражданского общества, участвующая в правоприменении. В силу специфики выполняемых ими профессиональных функций адвокаты на повседневной основе по конкретным делам противостоят (чаще всего в одиночку) государственной машине уголовного преследования и должны решать проблемы обеспечения верховенства права и ограничения неправомерного применения насилия со стороны правоохранительных органов.

Как показывают многие исследования, адвокаты ввиду значимости занимаемого ими социального положения и наличия у них профессиональных компетенций, связанных с вопросами правоприменения, часто выступают ключевыми акторами социальных реформ (например, реформы государственного управления в Израиле (*Hajjar, 1997*), правовых реформ в Китае (*Michelson, 2007*), регулярных политических инициатив в США (*Boukalas, 2013*)). Однако из опыта различных стран известно, что адвокаты могут как выступать драйверами социальных изменений, так и, напротив, тормозить их. Ниже мы попытаемся ответить на вопрос о том, чем может быть обусловлена та или иная позиция юридического сообщества.

В авторитарных государствах юристы могут представлять и защищать интересы властной элиты и в этом отношении являться продолжением правоохранительной системы (в этой логике действуют полицейские, см. (*Gerber and Mendelson, 2008*)). Однако, как мы увидим дальше, в ряде случаев юристы, напротив, выступают на стороне оппозиции. Позиция адвокатского сообщества может быть и подчеркнута аполитичной, но даже в этом случае они через свою профессиональную деятельность способны оказывать существенное воздействие на общество (например, через помощь мало защищенным слоям населения (*Granfield, 2009*) или создание полезных судебных прецедентов (*Barclay and Chomsky, 2014*)). Разумеется, возможности адвокатской корпорации в той или иной стране напрямую связаны с уровнем развития самого профессионального сообщества, наличием в стране сильных адвокатских ассоциаций, уровнем независимости юристов от правоохранителей и власти, наличием спроса на услуги адвокатов со стороны населения и бизнеса. Влияние юридического сообщества несомненно связано со степенью его профессионализации (в терминах (*Abbott, 2014; Freidson, 1988*)), выраженной в его автономии, компетенции, этике, развитии профессиональной коммуникации.

Выбор адвокатского сообщества в отношении того или иного варианта коллективных действий, на наш взгляд, прежде всего зависит от позиции элиты юридического сообщества, а также способности широких масс адвокатов оказывать воздействие на эту элиту. В настоящей статье мы анализируем процесс возникновения коллективных действий в юридическом сообществе в разных институциональных условиях и показываем последствия таких коллективных действий. Рассмотрев опыт различных вариантов мобилизации адвокатского сообщества, мы обращаемся к ситуации в России и обсуждаем, в каких формах адвокатская корпорация может влиять на внедрение принципов «верховенства права» в нашей стране.

Коллективные действия адвокатов в странах со слабыми институтами

Существующая литература, описывающая коллективные действия юридических ассоциаций, приводящие к социальным изменениям, базируется в основном на исторических примерах из опыта разных стран. Анализ этого опыта показывает, что действия юридических ассоциаций, изначально направленные на отстаивание интересов своей профессии, часто становятся триггером, запускающим более масштабные акции всего гражданского общества. Связано это с тем, что

профессиональные интересы юристов плотно пересекаются с интересами всего общества – например, стремление к верховенству права, выгодное для общества, одновременно максимизирует в долгосрочном периоде доходы юристов (*Andersen and Oldham, 2003*). При этом юридические (и в целом профессиональные) ассоциации являются не просто участниками протеста, но играют важную роль в мобилизации представителей профессии, формировании коалиции различных социальных групп вокруг неидеологической повестки дня, а также позволяют сохранить результаты, достигнутые в ходе протестов. Эти выводы можно сделать на основе нескольких кейсов, описывающих участие юридических ассоциаций в политических трансформациях.

Так, (*Gould, 2006*) анализирует действия юридической ассоциации Замбии (*Law Association of Zambia*, далее LAZ) и ее борьбу против восстановления авторитарного режима. Юристов в Замбии, отмечает автор, отличает крайне высокий уровень жизни (в отличие от большинства населения, живущего у черты бедности) и космополитичные взгляды. Исторически адвокатское сообщество было тесно связано с авторитарным режимом Замбии, однако в 1990е после установления более демократического режима LAZ отделилась от политики. Ситуация изменилась в 2001 году, когда президент Чилуба, демократически избранный в 1991 году, попытался остаться у власти с помощью изменения Конституции. Опасаясь за свою свободу в случае потери власти, он попытался вопреки основному закону пойти на третий срок. Это привело к тому, что в феврале 2001 года LAZ встала на защиту законности и начала бороться с крайне непопулярным среди среднего класса лидером. Вместе с религиозными лидерами и общественными организациями (в первую очередь женскими) LAZ заключила соглашение о совместных действиях против установления диктатуры и запустила *Oasis Movement* – общегражданское движение против президента Чилубы. В итоге движение добилось успеха, и Чилуба отказался от третьего срока. Успех движения был связан в основном с деятельностью LAZ, которая, будучи с одной стороны авторитетной организацией, для которой важно верховенство права, а с другой – объединением типичных представителей среднего класса, смогла создать на своей основе широкую коалицию самых разных политических сил ради борьбы за законность.

Схожая история происходила в Пакистане и привела к отставке президента Первеза Мушаррафа (*Ahmed and Stephan, 2010; Pakistan, 2010*). Поводом для протестов стало отстранение в марте 2007 года президентом Мушаррафом с поста Верховного Судьи Пакистана Ифтихара Чоудхри (*Iftikhar Muhammad Chaudhry*), расследовавшего коррупционные дела. Поскольку Ифтихар Чоудхри за время пребывания в должности Верховного судьи приложил большие усилия для укрепления независимости судебной системы и стал пользоваться высокой репутацией, это решение вызвало массовые протесты в юридическом сообществе – с организацией митингов и забастовок адвокатов по всей стране. К лету 2007 года вокруг юридического сообщества сложилась коалиция, которая вела активные протестные действия против увольнения Чоудхри и диктатуры Мушаррафа. Кроме юридических ассоциаций, в нее входили прочие общественные организации – от профсоюзов до религиозных и пацифистских групп. Ответом на протесты стало введение военного положения, арест Чоудхри и увольнение Мушаррафом еще 60 высших судей. Эти действия однако не смогли не остановить протесты. Многомесячное противостояние между гражданами Пакистана и президентом закончилось отменой военного положения в декабре 2007 года, проведением всеобщих выборов и отставкой Мушаррафа в августе 2008 года под угрозой импичмента. В марте 2009 года И. Чоудхри и другие уволенные судьи были восстановлены на своих постах.

Авторы исследования выделяют несколько факторов, благодаря которым юридическое сообщество смогло добиться своей цели. Во-первых, Комитет национального движения юристов (включавший ассоциации судей, адвокатов, а также региональные юридические сообщества) был хорошо организован – имел

харизматичных лидеров на общенациональном уровне и крепкие и жизнеспособные ячейки на уровне регионов, что позволило одновременно устроить массовые акции по всей стране. При слабом гражданском обществе его роль в организации протестов может сыграть состоявшееся юридическое сообщество, способное мобилизовать на протест в регионах местных представителей профессии. Во-вторых, ассоциация смогла преодолеть различия в политических воззрениях ее членов, выдвигая идеи, с которыми были согласны все юристы, невзирая на взгляды (то же самое произошло и в Замбии). В-третьих, ассоциация принципиально отказалась от применения насилия, а как отмечают авторы, «ненасильственные движения склонны получать более широкую поддержку» (*Ahmed and Stephan, 2010. P. 506*). Более того, ненасильственные методы борьбы помогли привлечь внимание международных правозащитных и юридических организаций, что также способствовало достижению целей протеста.

Показателен также пример Туниса, описываемый в (*Gobe and Salaymeh, 2015*). Национальная адвокатская ассоциация (Tunisian Bar Association, далее ТВА) не участвовала активно в революции 2010 года. Однако благодаря широкому вовлечению самих адвокатов в революцию она приобрела значительный политический вес, так как в глазах населения ТВА была органом, представляющим интересы борцов против диктатуры. Сама себя ассоциация начала позиционировать как «сторож [гражданских прав и свобод], который не связан с государством» (*Gobe and Salaymeh, 2015. P. 20*) и как третейского судью при разрешении политических конфликтов. Из этого следует, что роль юридических ассоциаций заключается не только в свершении социальных изменений, но и в закреплении их результатов.

Стоит также отметить пример Тайваня, разбираемый в (*Winn and Yeh, 1995*). До начала демократического транзита профессия юриста на Тайване жестко регулировалась – получить лицензию, не имея послаблений (зачастую связанных с поддержкой режима Гоминьдана), было крайне сложно. Хотя долгое время юридическое сообщество развивалось в немецкой традиции, согласно которой юристы ассоциируют себя прежде всего с государством и государственными интересами, либерализация экономики и ее включение в международную торговлю с развитием тесных связей с США (что объективно предопределялось военно-политическим противостоянием Тайваня и КНР) сформировали в предпринимательском сообществе потребность в иных формах и механизмах предоставления юридических услуг, ориентированных на защиту интересов клиентов. Результатом интеграции этих двух подходов стала реформа юридической профессии, сделавшая адвокатскую корпорацию более автономной и открывшая возможности для новых ее членов с более либеральными взглядами, что в дальнейшем привело к изменению позиции ассоциации по отношению к власти. Хотя ассоциация адвокатов не участвовала в прямом противодействии политическому режиму, доля юристов в оппозиционной Демократической прогрессивной партии была выше, чем в Гоминьдане. Более того, многие юристы были активными защитниками политических заключенных, организовывали движения за права рабочих, женщин и потребителей. Тем самым, по мнению (*Winn and Yeh, 1995*), публичные действия юристов сыграли существенную роль в делегитимизации существующих институтов, приведшую к либерализации политического режима.

Несмотря на наличие примеров успешных коллективных действий юридического сообщества, в литературе не предложено какой-либо теоретической модели, описывающей факторы успеха действий юристов. Однако на основании анализа моделей профессиональных организаций можно выявить некоторые закономерности успешных коллективных действий. Так, в (*Naylor, 1989*) с помощью оценки полезности индивида от присоединения к забастовке показывается, что присоединение профессиональной ассоциации к общегражданским коллективным действиям зависит от ожидаемого дохода в случае победы митингующих, от степени улучшения репутации индивида или профессии и от предпочтений индивида/

ассоциации насчет коллективных действий. Схожие факторы описывают (*Doner and Schneider, 2000*) на примере бизнес-ассоциаций. По их мнению, возможности ассоциации в части эффективной организации коллективных действий зависят от ее состава (чем больше игроков на рынке входит в ассоциацию, тем она сильнее), от тех преимуществ, которые дает членство в ассоциации (чем больше эти преимущества, тем более мотивированы участники объединения), и от того, насколько эффективно внутреннее взаимодействие (чем выше доверие и открытость внутри ассоциации, тем она сильнее).

Важнейшим фактором, влияющим на успешность коллективной деятельности профессиональных сообществ, является способность привлечь внимание СМИ к проблеме и ввести действия ассоциации в публичную повестку дня. Это позволяет сообщать о совершаемых действиях всему обществу и расширять сферу поддержки среди гражданских активистов. Однако не каждое событие привлекает внимание СМИ. (*Andrews and Caren, 2010*) отмечают, что медиа будут освещать деятельность лишь тех организаций, которые создают информационные поводы (причем на постоянной основе, так как журналисты склонны описывать то, что они уже знают) и при этом поднимают проблемы, важные для общества. На основании расчетов упоминания экологических организаций в прессе Северной Каролины авторы выявили, что больший шанс получить доступ к СМИ был у крупных организаций (как по количеству участников, так и по количеству персонала), у тех, кто устраивает публичные демонстрации, и при этом у тех, кто ведет борьбу в институциональном поле (то есть не противопоставляет себя существующим институтам, но пытается ими пользоваться для достижения цели).

Как показывает практика, привлечение внимания общества к коллективным действиям профессионального сообщества зависит от цели, которую данное сообщество преследует. Так, в (*Gobe, 2010*) описываются протесты юристов в Тунисе до свержения Бен Али. Если выступления 2005 года, связанные с арестом юриста Мухаммеда Абу, в итоге вылились в полномасштабный национальный протест с участием других профсоюзов и оппозиционных политических партий, то протесты 2007 года, связанные с новым законом о регулировании юридического рынка не привели к серьезным митингам, хотя в обоих случаях ассоциация использовала схожие методы публичных акций (сидячие забастовки, баррикадирование в офисе и т.д.). Это различие в общественной реакции можно объяснить тем, что тема первого протеста (незаконный арест) была важна для всего общества, тогда как тема автономии юристов оказалась понятна и близка лишь профессионалам.

Стоит также заметить, что юридическое сообщество не всегда способно продвинуть свою повестку дня не только через СМИ, но и даже через собственные ассоциации. Зачастую именно отсутствие поддержки ассоциации является барьером для социальных изменений. Так, в (*McEvoy and Rebouche, 2007*) описывается история адвокатской ассоциации Северной Ирландии в свете громких убийств адвокатов-католиков. Первое убийство произошло в 1989 году, жертвой стал Пэт Фуникан. Подозрения легли на британское правительство, поэтому североирландские адвокаты и международные правозащитные организации начали кампанию за честное раскрытие дела. Однако они не смогли добиться помощи от официального объединения юристов - юридической ассоциации Северной Ирландии, так как, по мнению лидеров ассоциации, борьба за честное расследование политического дела об убийстве юриста нарушает принцип нейтральности организации по отношению к религиозному конфликту между католиками и протестантами. На протяжении 10 лет ассоциация отказывалась участвовать в расследовании дела Фуникан, однако после убийства еще одного адвоката-католика (Росмарин Нельсон) позиция ассоциации изменилась. Хотя ее руководство по-прежнему считало необходимым продолжение политики нейтральности, большинство юристов на собрании постановили затребовать независимого расследования убийства Нельсон и Фуникан. При этом, как отмечают

участники того собрания, на них сильно повлияла деятельность зарубежных правозащитных организаций, так как членам сообщества было неловко перед иностранными коллегами молчать дальше о данных делах. И если дело Фуникан 10 лет оставалось без должного расследования, то после убийства Нельсон кампания по раскрытию данных дел, запущенная ассоциацией, привела к наказанию преступников.

Северная Ирландия – не единственный пример того, как юридическая ассоциация и юридическое сообщество расходятся во взглядах на то, что нужно делать. Объяснение того, почему организация, представляющая профессию, подчас не отражает мнение представителей профессии, связано не только с ценностями ассоциации, но и с ее организационной структурой. В (*Kelly, 1998*) выделяются два типа управления профессиональной организацией – демократический и бюрократический. При демократическом управлении лидеры организации принимают решения, исходя из пожеланий ее членов, при бюрократическом управлении лидеры сами формируют повестку организации, не прислушиваясь к мнению ее членов. Первый тип более отвечает интересам сообщества и более склонен поддержать его протест, о чем свидетельствует пример из Египта, описанный в (*Alexander, 2010*). Там в 2006 году начались массовые протесты рабочих, которые были организованы независимыми рабочими организациями. Лидерами данных профсоюзов в основном были те, кто претендовал, но не смог стать лидером официальных профсоюзов, которые в это же время не только не помогали рабочим добиться выполнения требований, но наоборот, встали на сторону диктатора. Иными словами, лидеры, чья легитимность зависит от участников ассоциации, в отличие от бюрократов склонны следовать той повестке, на которой настаивает сообщество.

Бюрократический тип ассоциаций в основном устанавливается в странах с авторитарной властью и несовершенными институтами гражданского общества. Примером такого рода может быть дело Ли Джуана в 2009-2011 гг., описанное в (*Liu, Liang and Halliday, 2014*), и реакция на него со стороны юридической ассоциации Китая. Ли был защитником Гонга Гангмо, который, по его собственным словам, подвергся пытке со стороны следствия. После того, как Гонг рассказал прессе о пытках, Ли был обвинен в подкупе свидетелей по делу и подделке доказательств. Суд первоначально приговорил Ли к 2,5 годам лишения свободы, после чего на него было заведено второе, аналогичное дело. Если первое дело еще вызывало споры, и многие адвокаты высказывались против Ли, то второе дело, по словам автора, «стало поворотной точкой в организации профессиональных коллективных действий» (*Liu, Liang and Halliday, 2014, P. 90*). Причем в протестах участвовали не только коллеги Ли по адвокатскому цеху – к ним присоединились известные китайские преподаватели права, студенты юридических факультетов, даже некоторые прокуроры и сотрудники полиции.

Следует подчеркнуть, что Ли Джуан не был правозащитником и выступал адвокатом по обычному уголовному делу. Как отмечали многие адвокаты во время второго процесса над Ли, в случае его осуждения другие юристы не смогут защищать своих клиентов¹. Единственные представители юридического сообщества, которые не поддержали Ли, – это лидеры юридической ассоциации Китая. Во многих регионах адвокатам от лица ассоциации даже приходили письма, в которых им советовалось не участвовать в акциях в защиту адвоката и не обсуждать это дело. Объяснить подобное поведение ассоциации можно тем, что она является не столько объединением юристов, сколько частью бюрократической машины, зависящей от власти и проводящей ее политику.

Вместе с тем, хотя юридические ассоциации в авторитарных режимах часто склонны поддерживать власть, существуют примеры, когда отсутствие достаточных стимулов и выгод для рядовых юристов от членства в ассоциации при наличии сложившейся организационной структуры профессионального объединения

¹ См.: (<http://www.nytimes.com/2011/04/20/world/asia/20china.html> – Дата обращения: 08.06.2016).

приводит к смене лидеров ассоциации. И новые лидеры начинают проводить новую политику, дистанцируясь от власти. Так, согласно (Gobe, 2010), в Тунисе до 1990-х годов адвокатская ассоциация была лояльна существующему режиму, а ее лидеры были членами правящей партии. Однако поскольку они не смогли добиться введения профессиональных стандартов, ограничения доступа на рынок для новых участников и решить другие задачи, важные для профессионального сообщества, на пост лидера организации выдвинулся Бешир Эссид, предложивший добиваться целей сообщества протестными методами.

Таким образом, в разных странах мира имели место примеры весьма разного отношения юридического сообщества к власти – от полной лояльности до прямой оппозиции. Также заметно различалась реакция властей на выступления юристов – от игнорирования их требований до заметных уступок (вплоть до смены политического режима). Ниже мы строим игровую модель, которая позволяет систематизировать этот опыт.

Игровая модель коллективных действий адвокатского сообщества

На основе анализа вышеописанных кейсов о коллективных действиях юристов из истории развитых стран и опыта современных развивающихся стран нами была построена игровая модель с последовательным принятием решений различными акторами (см. рис. 1).

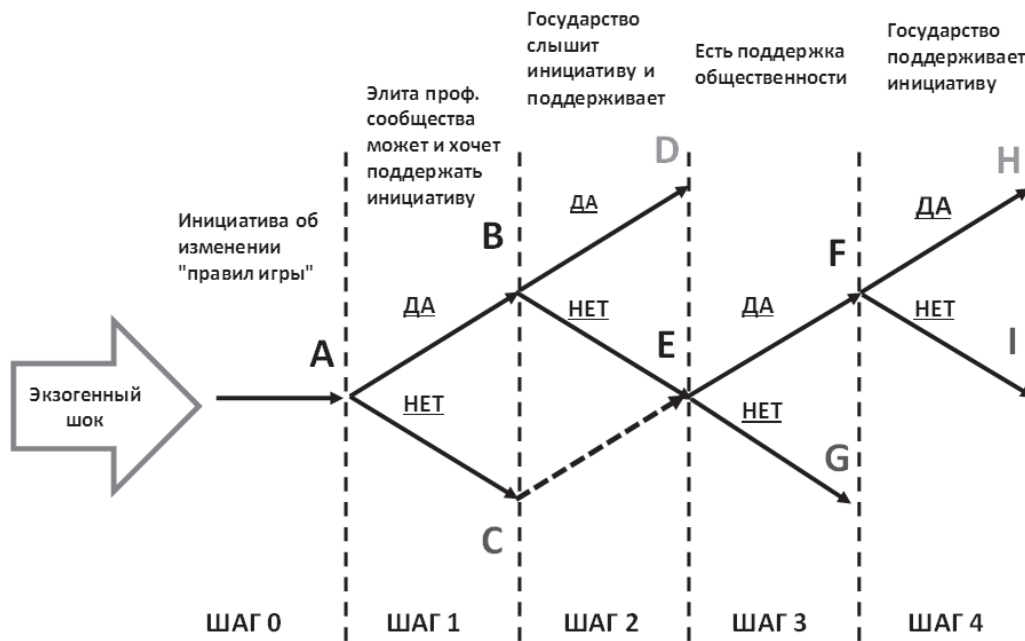

Рис. 1. Дерево игровых решений
 Источник: составлено авторами.

Предпосылкой для начала игры является некоторый внешний импульс («экзогенный шок»), такой как убийство или незаконное уголовное преследование члена юридического сообщества, отстранение судей, нарушение закона представителями власти и пр.

Экзогенный шок имеет следствием инициативу по изменению правил игры, которая на первом этапе может быть представлена отдельными людьми (потерпевшими, родственниками, друзьями, коллегами). В модели мы предполагаем, что в авторитарном государстве у этих людей самих по себе практически нет шансов быть услышанными (для простоты их шансы равны 0).

На первом шаге инициаторы обращаются к своим коллегам (профессиональному сообществу) с просьбой поддержать их требование. Профессиональное сообщество в нашей модели представлено прежде всего юридической элитой, которая обеспечивает своеобразный фильтр, отсеивая инициативы, которые могут быть опасны для нее или явно не будут услышаны властью. Некоторые юридические организации (отнесенные ранее к «бюрократизированному типу») могут отказаться от поддержки своих коллег, поскольку чувствуют себя прежде всего слугами государства.

Для того, чтобы поддержать инициативу, элита профессионального сообщества должна не только иметь желание, но и обладать возможностью по мобилизации своих ресурсов. В разрозненном и слабом профессиональном сообществе вероятность возникновения коллективных действий в принципе мала.

На втором шаге власть может узнать об инициативе/требовании (если влияние профессионального сообщества невелико, то этого может и не произойти). В модели государство упрощенно представлено как монолитный актер, принимающий решение. Если инициатива поддерживается, то игра заканчивается.

На третьем шаге отвергнутая коалиция профессионалов может попытаться заручиться поддержкой общественности (политических партий, СМИ, религиозных организаций и пр.). На этот же этап могут выйти авторы инициативы, которым отказала элита профессионального сообщества на 1 шаге (для простоты этот сценарий мы не рассматриваем, хотя его можно выделить отдельно – в рамках формирования нового профессионального объединения, которое будет альтернативно существующей контролируемой государством ассоциацией).

На четвертом шаге у государства уже нет возможности не увидеть инициативу и оно обязано принять решение. В случае отказа согласиться с требованиями все стороны несут потери. Выигрыши сторон от различных сценариев коллективных действий суммированы в табл. 1.

Таблица 1

Выигрыши сторон от различных сценариев коллективных действий

Сценарий	Инициаторы	Элита профессионального сообщества	Общество	Описание
C	-	0	0	Инициатива отфильтрована профессиональной элитой и не пропущена на общественный уровень
D	+	+	0 (+)	Инициатива поддержана профессиональной элитой и сразу услышана государством.
G	-	-	0 (-)	Инициатива поддержана профессиональной элитой, но не поддержана ни государством, ни обществом. Плохой сценарий для профессии, поскольку это демонстрирует ее слабость.
H	+	+	+	Инициатива коалиции профессионалов и общественных организаций побеждает. Это может повлечь серьезные изменения, в т.ч. политические.
I	-	-	-	Инициатива коалиции профессионалов и общественных организаций подавляется. Возможен силовой вариант. Все участники несут потери.

Примечание: + выигрывает, - проигрывает, 0 – нет влияния.

Источник: составлено авторами.

Ниже мы вернемся к опыту адвокатских организаций в различных странах мира с целью проиллюстрировать работу данной модели.

Иллюстрация игровой модели

Предложенная нами схема позволяет структурировать известный нам опыт возникновения коллективных действий в адвокатском сообществе в различных странах мира и в России (итог представлен в табл. 2).

Таблица 2

Примеры реализации различных вариантов коллективных действий в России и за рубежом

Сценарий	Описание	Зарубежный пример
C	Инициатива отфильтрована проф. элитой и не пропущена на общественный уровень	Убийство Пэт Фуникан, Северная Ирландия, 1989 (<i>McEvoy and Rebouche, 2007</i>)
D	Инициатива поддержана проф. элитой и сразу услышана государством.	Создание единой ассоциации юристов; США, начало XX в. (<i>Halliday, Powell and Granfors, 1993</i>)
G	Инициатива поддержана проф. элитой, но не поддержана ни государством, ни обществом.	Забастовка 2006 года в Тунисе (<i>Gobe, 2010</i>)
H	Инициатива коалиции профессионалов и общественных организаций побеждает.	Жасминовая революция в Тунисе в 2011 (<i>Gobe and Salaymeh, 2015</i>) Убийство Розмарин Нельсон в Северной Ирландии (<i>McEvoy and Rebouche, 2007</i>) Протест против третьего срока президента Замбии (<i>Gould, 2006</i>) Протест против отставки судей в Пакистане (<i>Ahmed and Stephan, 2010; Pakistan, 2010</i>) Деятельность юридических организаций на Тайване (<i>Winn and Yeh, 1995</i>)
I	Инициатива коалиции профессионалов и общественных организаций подавляется	Арест Мухаммеда Абу в Тунисе, 2005 (<i>Gobe, 2010</i>)

Источник: составлено авторами.

На наш взгляд, безуспешная попытка адвокатского сообщества Северной Ирландии привлечь внимание ассоциации к убийству адвоката является иллюстрацией ситуации С. Таких случаев в зарубежной практике, вероятно, заметно больше, но они редко становятся предметом для отдельного научного анализа. Успешное лоббирование юристами в США создания профессиональной ассоциации с обязательным общим членством является хорошим примером ситуации D: профессиональная инициатива была услышана и реализована. Иллюстрация следующего сценария (G) – забастовка адвокатов в Тунисе 2006 года, связанная с попыткой ассоциации добиться реформы в адвокатской сфере, которая закончилась неудачей, а общество отреагировало на нее равнодушно.

Есть немало примеров ситуации H, когда коалиция профессионалов и общества действительно привела к значимым социально-политическим изменениям. Так, в Тунисе в 2011 году действия адвокатов способствовали «Жасминовой революции». Юридическая ассоциация Северной Ирландии смогла

добиться раскрытия убийства адвоката Розмарин Нельсон. Протесты адвокатов в Пакистане привели к отмене решения президента об увольнении судей и способствовали падению диктатуры в стране. Ассоциация юристов в Замбии смогла объединиться с другими общественными организациями и защитить Конституцию страны. В научной литературе можно найти немало примеров сценария Н, поскольку он зачастую действительно приводит к значимым и существенным изменениям в социально-экономической жизни страны.

Наконец, самым драматичным является сценарий провала коалиции профессионалов и общества (I). Так, арест в 2005 году Мухаммеда Абу в Тунисе хоть и привел к массовым национальным протестам, но так и не закончился никакими положительными результатами для инициаторов.

Таким образом, предложенная нами модель, описывающая процесс возникновения и реализации коллективных действий юридическим сообществом, действительно находит немало иллюстраций в зарубежном опыте. Ниже мы используем данную модель для анализа развития юридического сообщества в России.

Применение модели к анализу развития адвокатской профессии в России

Несмотря на то, что в 2014 году российская адвокатура отпраздновала свое 150-летие, история современной адвокатской корпорации в России началась сравнительно недавно, в начале 1990-ых годов. Если в советский период адвокаты были весьма небольшой закрытой и элитарной профессиональной группой, то после распада СССР данная профессия стала массовой. Этот процесс объективно опирался, с одной стороны, на беспрецедентный рост (а по сути – на возникновение) спроса на юридические услуги со стороны бизнеса и существенное расширение доступа к правосудию для населения (защита прав потребителей, имущественные споры по новым объектам, введенным в гражданский оборот, ответственность государства, расширение полномочий адвокатов на стадии следствия по уголовным делам). В то же время этот процесс сопровождался резким снижением барьеров входа в профессию и широким распространением юридического образования (см. более детально *Kazun and Yakovlev, 2014*). Произошедшие трансформации привели к усилению неоднородности сообщества, создавшей риски резкого снижения качества юридической помощи. Данные трансформации можно трактовать как «экзогенный шок»: они связаны с перестройкой рынка юридических услуг и подобны тем, что происходили в ряде развивающихся стран.

Реакцией на это стали тенденции к самоорганизации профессионального сообщества «снизу» (похожий процесс происходил в США в начале XX века (*Halliday et al., 1993*)), поддержанные в начале 2000-х годов со стороны государства. В частности, в 2002 году был принят Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", а в 2003 году была создана Федеральная палата адвокатов (ФПА), объединившая все региональные палаты. Также в 2005 году по инициативе власти была создана «Ассоциация юристов России» (АЮР) как объединение всех представителей юридической профессии (включая судей, сотрудников правоохранительных органов, адвокатов и частнопрактикующих юристов). Сигналом близости АЮР к властной элите стало то, что первыми членами ассоциации стали В. В. Путин и Д. А. Медведев. Впрочем, по нашему мнению, АЮР оставалась для власти скорее «запасным вариантом» на случай, если проблему профессионального контроля нельзя будет решить силами ФПА. Так, именно адвокаты получили значительные финансовые ресурсы, тогда как АЮР скорее является организацией, не имеющей значительных собственных ресурсов². Трансформации начала 2000-х позволили

² Тем не менее, несмотря на это, АЮР остается влиятельной площадкой для ведения диалога между государством и профессиональным сообществом, и руководство ФПА периодически обращается в АЮР для решения сложных вопросов в деятельности адвокатов. В частности, когда в 2015 году вступили в силу изменения в 1-ю часть Гражданского кодекса, приравнявшие адвокатские палаты ко всем остальным объединениям и союзам, ФПА обратилась в АЮР для помощи в отстаивании своего уникального статуса и получила необходимую поддержку. АЮР также тесно

укрепить барьеры входа (с новым законом появилась необходимость сдавать адвокатский экзамен), а также институционализировали юридическую «элигу», которой автоматически стали лидеры ФПА, АЮР, других ассоциаций и крупнейших коллегий адвокатов³. Эти люди получили возможность осуществлять профессиональный контроль и эффективно стремятся к расширению его сферы: региональные палаты получили права по исключению недобросовестных членов посредством собственного дисциплинарного производства; ФПА добивается расширения своих полномочий по усилению надзора над региональной дисциплинарной практикой⁴; АЮР инициировала проект по аккредитации учебных заведений, выдающих дипломы о высшем юридическом образовании.

Важной частью реформы было увеличение финансовых ресурсов, передаваемых адвокатскому сообществу. Основную часть уголовных дел в России составляют дела против безработных граждан (*Тумаев, 2014*), к тому же ранее судимых, что в свою очередь приводит к тому, что значительная часть адвокатов занята ведением дел по назначению суда. В этом случае помощь адвоката оплачивается государством.

С 1992 г. по 2003 г. соответствующие расходы были формально возложены на республиканский бюджет⁵, но фактически могли быть взысканы и с признанного виновным обвиняемого⁶, который в свою очередь освобождался от материальной ответственности в «отдельных случаях», связанных с материальным положением и иными исключительными обстоятельствами. Иными словами, участие адвоката в уголовном деле было обязательным, но не всегда бесплатным, что в свою очередь создавало неопределенность и в отношении оплаты услуг конкретных адвокатов. С учетом существовавшего в России «обвинительного уклона» можно сделать вывод, что до принятия в 2001 году нового «Уголовно-процессуального кодекса» в России оплата услуг адвоката ложилась на плечи обвиняемого или, в отдельных случаях, республиканский бюджет. В новом УПК появилась статья 51, гарантирующая право подзащитного на бесплатного адвоката. С 2003 года произошло важное изменение, связанное с возложением обязанности по оплате услуг адвоката на федеральный бюджет⁷, в котором в отличие от старой редакции предполагалась более четкая регламентация уровня оплаты труда адвоката в зависимости от категории дела, которую он ведет (включая работу ночью, в праздники и выходные дни и пр.). Оплата привязывалась к МРОТ и составляла от 25% до 100% и соответственно должна была расти вместе с минимальным уровнем оплаты труда. Насколько мы знаем по интервью с представителями крупных адвокатских коллегий, работа по назначению суда для успешных адвокатов была и остается непривлекательной в финансовом отношении. Однако в большинстве регионов, где спрос со стороны бизнеса невелик, а население очень редко имеет возможность оплатить юридические услуги самостоятельно, данные ресурсы позволяли обеспечить приемлемый уровень заработка существенному числу рядовых адвокатов.

взаимодействует с государственными органами по вопросам выработки политики в правовой сфере, включая обсуждение проектов ключевых законов. Все это говорит о том, что влияние профессиональной ассоциации зависит не только от материальных ресурсов, но также от способности предлагать актуальную повестку и готовности политической элиты реагировать на запросы, исходящие от ассоциации.

³ Разумеется, речь в данном случае идет исключительно об организационном и административном влиянии элиты, а не о профессиональном авторитете. Впрочем, профессиональный авторитет в настоящее время чаще всего совпадает с позицией адвокатов в профессиональных организациях.

⁴ См.: (<http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/05/11/640574-vmesto-otvetov-zaproshi-advokati-poluchat-eticheskuyu-vertikal>).

⁵ Согласно Письму Минюста РФ от 31 января 1994 г. N 09-09/19-94 «Положение о порядке оплаты труда адвокатов за счет государства».

⁶ Пункт 5 «Положение о порядке оплаты труда адвокатов за счет государства»: «В случае признания подсудимого виновным приговором суда, суммы, выплаченные адвокату из бюджета за участие на предварительном следствии и в судебном процессе, должны быть взысканы с осужденных лиц в доход республиканского бюджета Российской Федерации».

⁷ Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2003 г. N 400 «О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда».

После описанных нововведений долгое время адвокатское сообщество оставалось пассивным в отношении общественно-политических изменений. Адвокаты не пытались высказывать консолидированную позицию ни по делу «ЮКОС»⁸, ни по вопросам, связанным с ужесточением регулирования деятельности НКО, усилением контроля за СМИ. Таким образом, первый «экзогенный шок», связанный с неопределенностью, возникшей после распада СССР, был в целом успешно преодолен. Был реализован сценарий D, в котором государство пошло навстречу профессиональному сообществу и удовлетворило его требования. Однако со временем начали возникать новые «экзогенные шоки», на которые приходилось реагировать профессиональной элите юридического сообщества.

Сжимание ресурсов, выделенных на работу по назначению

Оплата работы адвокатов по назначению действительно росла до 2007 года. После этого совместным приказом Министерство юстиции и Министерство финансов отменили привязку оплаты адвокатов к МРОТ, установив фиксированный уровень оплаты труда⁹. Единственная индексация произошла в 2008 году, после чего уровень оплаты труда адвокатов оставался неизменным до 2012 года. «Отвязав» размер вознаграждения адвокатов по назначению от минимального уровня оплаты труда, государство фактически изъяло у адвокатского сообщества значительную часть ресурсов, эта разница продолжает увеличиваться год от года. В частности, на рис. 2 хорошо видно, что до 2007 года реальное вознаграждение адвокатов выросло в полтора раза, но к 2011 году практически все это изменение было сведено на «нет» инфляцией.

В 2012 году в пяти регионах России прошли акции протеста адвокатов с требованием повысить ставки оплаты труда по назначению суда¹⁰, которая на тот момент оставалась неизменной уже более 4 лет и не превышала 300 рублей за 1 день. Инициатива протестующих была поддержана представителями «Гильдии российских адвокатов» и услышана главой ФПА, который пообещал разобраться в ситуации в обмен на отказ от дальнейших протестов¹¹. В 2013 году номинальный размер оплаты адвокатов по назначению был повышен в последний раз, на этот год приходится пик реального вознаграждения. Однако за последние три года инфляция съела весь полученный адвокатами выигрыш¹², что не исключает возможности новых протестов.

ФПА очевидно понимает возникшую проблему, потому в апреле 2016 года направила официальное письмо в Правительство РФ с просьбой существенно повысить уровень оплаты адвокатов по назначению¹³ до 3000 рублей в день или 700 рублей в час, мотивируя это тем, что вознаграждение мировых судей и прокуроров значительно превышает уровень оплаты адвокатов. Таким образом, сообщество адвокатов требует поднять уровень оплаты труда адвоката не менее чем в 5 раз. В данной ситуации явно имеет место элемент «торга», поскольку даже сами адвокаты по данным исследования (Казун, Ходжаева и Яковлев, 2015) называли медианную цифру оптимального уровня оплаты в 2000 рублей за день или 550 рублей за час. Запрошенная сумма также превышает тот уровень вознаграждения, который адвокаты получали бы в случае, если бы привязка к МРОТ сохранилась.

⁸ Если только таковой не признать отказ органов самоуправления московской адвокатской палаты лишить адвокатского статуса адвокатов, представлявших интересы обвиняемых по этому делу.

⁹ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства финансов Российской Федерации от 15 октября 2007 г. N 199/87н г. Москва «Об утверждении Порядка расчета оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в зависимости от сложности уголовного дела».

¹⁰ См. более подробно: Трехдневная всероссийская забастовка адвокатов назначена на конец апреля. 11 апреля 2012. Право.ру. 26 марта 2012. (<http://pravo.ru/story/view/70969/>).

¹¹ См.: ФПА сравнила заработки адвокатов, судей и следователей СКР, но призвала не продолжать акции протеста. Право.ру. 26 марта 2012. (<http://pravo.ru/news/view/70306/>).

¹² См.: ФПА и МинЮст направляли официальный запрос в МинФин с просьбой об индексации, но получила отказ. (http://www.fparf.ru/news/all_news/news/13055/).

¹³ См.: Совет ФПА РФ обратился в Правительство РФ. 08.04.2016. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. (http://www.fparf.ru/news/all_news/news/20787/).

Рис. 2. Изменение номинального и реального уровня оплаты труда адвоката по назначению в сравнении с 2003 годом

В любом случае, по нашему мнению, руководство ФПА осознает, что ресурсы на работу по назначению являются очень важным фактором финансовой стабильности для массовой части адвокатского сообщества и могут использоваться как инструмент поддержания их лояльности по отношению к власти.

Слабая институциональная позиция адвокатского сообщества

По сравнению с органами правоохранительной системы (суды, Следственный комитет РФ, прокуратура, МВД) адвокаты занимают более слабую позицию¹⁴, имея значительно меньшие финансовые ресурсы и инструменты контроля за профессиональными стандартами. Реформы 2002-2003 гг., хоть и укрепили позицию адвокатов и их организации (в том числе, за счет возможности ФПА собирать и аккумулировать в единый бюджет часть взносов членов адвокатских палат), но в то же время не пошли достаточно далеко. В профессии до сих пор остается огромное число частнопрактикующих юристов, не имеющих статуса адвоката, но работающих в том же самом сегменте (кроме уголовных дел). Следствием этого является то, что ФПА не имеет возможности говорить от лица всего юридического сообщества, равно как не может исключить из профессии недобросовестных членов (лишившись статуса адвоката, человек все равно может продолжать свою юридическую практику).

Слабость позиции ФПА проявлялась и в нескольких отдельных эпизодах, которые мы можем классифицировать как сценарий G (юридическое сообщество выступает с инициативой, которая не поддерживается ни государством, ни обществом).

Весьма показательным является случай адвоката В. Дворяка, обвиняемого в разглашении данных предварительного расследования. В «Новой адвокатской газете» была описана следующая история¹⁵: адвокат Дворяк из Республики Хакасия вел уголовное дело, связанное с коррупцией и столкнулся с давлением на свидетеля со стороны сотрудников силовых ведомств. Ему удалось зафиксировать этот момент на камеру мобильного телефона. После того, как запись была предоставлена в СМИ и получила широкую огласку, адвокат был обвинен, а позже и осужден, по статье 310 УК РФ «Разглашение данных предварительного расследования». Адвокатское сообщество Республики Хакасия выступило с поддержкой Дворяка, к защите подключились и московские адвокаты, выступившие с инициативой о внесении

¹⁴ См. более подробно: (Казун и Яковлев, 2015; Ходжаева и Рабовски, 2015).

¹⁵ См. более подробную информацию: Гривцов А. (2015). В защиту Дворяка // Новая адвокатская газета, 7/2015 (192).

изменений в соответствующую статью уголовного кодекса¹⁶, фактически позволяющую применять репрессивные меры против адвокатов, прямо выполняющих свои профессиональные обязанности. Несмотря на поддержку со стороны сообщества и ФПА, Дворяк был осужден и приговорен к 400 часам исправительных работ.

Другой случай профессиональной борьбы при отсутствии широкой поддержки общественности – это дело, связанное с жестоким убийством в Ростовской области в июле 2009 году командира нижегородского СОБРа подполковника Дмитрия Чудакова и его семьи, которые возвращались из отпуска домой по "Дон-4" Краснодар – Москва¹⁷. Адвокат Светлана Манукян, представляя интересы Алексея Серенко, арестованного по обвинению в этом убийстве, собрала доказательства его фактической невиновности. В результате прокуратура отказалась поддержать обвинительное заключение, и после двух лет нахождения в СИЗО А. Серенко был выпущен под подписку о невыезде. При этом в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей Светлана Манукян столкнулась с серьезным давлением со стороны следственных органов Ростовской области, включая многочисленные угрозы и заведение против нее в 2014 году уголовного дела о фальсификации доказательств¹⁸.

Адвокатское сообщество в лице ФПА в данном случае недвусмысленно встало на защиту Светланы Манукян. В апреле 2015 г. ей был вручен знак «За честь и достоинство» - одна из высших наград в адвокатском сообществе России. Несмотря на поддержку со стороны ФПА и полное оправдание А. Серенко, в начале 2016 года С. Манукян была отстранена судом от представления интересов матери погибшего подполковника Чудакова¹⁹. Данный кейс показывает, что профессиональная деятельность адвоката в России даже при условии поддержки со стороны сообщества и широкой огласки дела предполагает существенные риски для защитника.

Примером, в котором юридическое сообщество смогло отстоять свои интересы, можно считать дело Светланы Давыдовой, многодетной матери, обвиненной в государственной измене. Этот громкий процесс проходил в январе-марте 2015 года. С. Давыдова обвинялась в том, что в апреле 2014 года (за 8 месяцев до предъявленного обвинения) она сообщила в посольство Украины о перемещении российских военных, располагавшихся неподалеку от г. Вязьма, где она проживала²⁰. Светлана Давыдова была взята под стражу сотрудниками ФСБ, а вскоре ей был назначен адвокат по назначению суда. Адвокат не только не пытался защитить свою подзащитную от неправомερных обвинений (поскольку Давыдова не была лицом, допущенным к государственной тайне, ее вообще не могли судить по статье, которая ей вменялась), но напротив склонял ее к признанию вины и даже сделал публичное заявление о том, что Давыдова во всем созналась. Поскольку дело получило широкий резонанс, к нему подключились видные представители юридического сообщества, подсудимая отказалась от адвоката по назначению, а все обвинения против нее вскоре были сняты. В апреле 2015 года адвокат Андрей Стебнев, представлявший по назначению интересы Светланы Давыдовой, был лишен адвокатского статуса за нарушения им закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» и Кодекса этики адвоката²¹.

¹⁶ См.: Гарантии независимости адвоката. Федеральная палата адвокатов. 06.04.2016. (http://fparf.ru/news/all_news/news/20511).

¹⁷ См.: Подозреваемого в убийстве командира нижегородского СОБРа отпустили. РБК. 06.08.2011. (<http://www.rbc.ru/society/06/08/2011/609184.shtml>).

¹⁸ См.: Горбунова Е. (2014). «Защита мундира» и адвокатский долг // *Новая адвокатская газета*, № 21, Ноябрь (182).

¹⁹ См.: Горяев О. (2016). Потерпевшая по делу "ростовских амазонок" осталась без защиты. Суд отстранил адвоката матери убитого собровца // *Газета "Коммерсант"*, № 10 от 25.01.2016. С. 5. (<http://www.kommersant.ru/doc/2900300>).

²⁰ См.: Удалов Л. (2015). Враг государства: мать семерых Светлана Давыдова призналась в "госизмене" // *Московский комсомолец*, 31.01.2015. (<http://www.mk.ru/social/2015/01/31/mat-semerykh-detey-obvinyayemaya-v-gosizmene-dala-priznatelnye-pokazaniya.html>).

²¹ См.: Адвоката обвинявшейся в госизмене Давыдовой лишили адвокатского статуса. 15 апреля. INTERFAX.RU, 15 апреля 2015. (<http://www.interfax.ru/russia/436498>).

Случай Светланы Давыдовой иллюстрирует, что иногда юридическое сообщество может достигать своей цели благодаря получению широкой общественной поддержки, однако он скорее выбивается из общего ряда. В данной ситуации сообщество реагировало на весьма серьезную угрозу для своей репутации по факту уже возникшего общественного резонанса. Иными словами, инициаторами коллективных действий в данном случае выступали не столько адвокаты, сколько общественные деятели. Адвокаты же присоединились к процессу, когда не реагировать на него было невозможно. Иными словами, «громкие дела», имеющие политический подтекст, вынуждают адвокатское сообщество реагировать на них. Поводом для таких дел неизменно служат нарушения законных прав подзащитных со стороны представителей правоохранительных органов.

Массовые нарушения прав подзащитных

Как показывают исследования (*Gerber and Mendelson, 2008; Kazun, 2015; Osipian, 2012; Rochlitz, 2014; Yakovlev, Sobolev and Kazun, 2014*), правоохранительные органы в современной России достаточно активно вовлечены в процессы, связанные с давлением на бизнес. Адвокаты как группа, взаимодействующая с правоохранительными органами на регулярной основе, очень остро ощущают эту проблему. Столкновения с нарушениями прав подзащитных также являются «экзогенным шоком», который может побуждать адвокатов к публичному заявлению о своей позиции. Однако до настоящего момента ФПА сохраняло нейтралитет по отношению к большинству таких случаев.

Если отдельные случаи силового давления на бизнес по тем или иным причинам могут не предаваться огласке (часто этого не хотят сами бизнесмены), то другая категория дел, имеющих политический подтекст, может получить достаточно широкий резонанс вне зависимости от позиции элиты профессионального сообщества. Конфликт вокруг Химкинского леса, Болотное дело, дело Pussy Riot стали теми резонансными событиями, которые позволили отдельным адвокатам получить немалое внимание со стороны СМИ и общественных организаций в обход ФПА. Иными словами, развитие социальных сетей и усиление протестной активности создали условия для возникновения сценария С-Е, в котором инициативы адвоката выносятся на суд общественности в обход решения элиты ФПА (не важно, поступали туда официальные жалобы или нет).

Для руководства ФПА это создает двойную проблему. С одной стороны, подобные инициативы адвокатов показывают, что для коллективных действий не всегда нужно одобрение со стороны профессиональной элиты. С другой стороны, публичная активность адвокатов может не понравиться политической элите страны, что в свою очередь создаст угрозы для всего сообщества. Иными словами, ФПА утрачивает роль «фильтра», который, с одной стороны, поддерживает статус нынешней элиты сообщества, а с другой - предостерегает сообщество от опасных столкновений с более сильным государственным аппаратом.

«Адвокатская монополия» как ответ на экзогенные шоки и возможные стратегии действий профессиональной элиты

Идея «адвокатской монополии», предполагающая, что интересы клиентов в любом суде может представлять только адвокат, высказывается уже давно²². В апреле 2013 года Правительством РФ была утверждена Государственная программа «Юстиция», разработанная Минюстом России²³. Одной из новаций этой госпрограммы стал запуск процесса перехода к адвокатской монополии на представление интересов в суде. Этот процесс в особенности активизировался в 2015 году, когда президентом ФПА был избран Ю. С. Пилипенко.

²² См.: Крохмалюк А. (2012). О БУДУЩЕМ АДВОКАТУРЫ — С ОПТИМИЗМОМ // Новая адвокатская газета, № 10 (123), май 2012 года. (<http://www.advgazeta.ru/rubrics/5/855>).

²³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 04.04.2013 N 517-р.

Следует подчеркнуть, что данная реформа вызывает противоречивые комментарии. Если представители адвокатского сообщества давно и активно высказываются в ее поддержку²⁴, то со стороны юристов и независимых экспертов высказываются критические комментарии. В частности, юристы-правозащитники говорят о дополнительных барьерах в доступе к правосудию для граждан²⁵. В то же время для юридического бизнеса проблемой является ограниченная функциональность адвокатских форм ведения деятельности. Как отмечают Е. Моисеева и Т. Бочаров (*Моисеева и Бочаров, 2016*), при меньших издержках интересы профессиональных юристов могут быть реализованы в форме коммерческой организации, позволяющей распределять прибыль между участниками. Немаловажную роль в этом выборе играет также упрощенная система налогообложения, которую могут применять коммерческие организации, но не могут адвокаты. Неблагоприятным фактором, препятствующим занятию адвокатами ниши сопровождения крупного бизнеса, является запрет в законодательстве на заключение договора клиента напрямую с адвокатским образованием, а не с отдельным адвокатом.

Тем не менее в настоящее время баланс сил явно смещается в пользу принятия решения об «адвокатской монополии» - с учетом позиции Министерства юстиции, которое стало поддерживать адвокатов и в декабре 2015 года внесло в правительство Концепцию реформирования системы юридических услуг. Эта концепция в срок до 31 декабря 2017 года предусматривает разработку закона о переходе к обязательному адвокатскому статусу для юристов, желающих представлять интересы своих клиентов в судах²⁶.

По нашему мнению, такая политика Минюста означает, что столкнувшись с рисками возникновения политической оппозиции в среде адвокатов, власть готова пойти на создание для адвокатского сообщества новых «селективных стимулов». В случае введения «адвокатской монополии» ФПА и региональные палаты получат эффективные инструменты контроля за входом на рынок адвокатских услуг новых участников. У адвокатов вырастет поток гражданских и арбитражных дел, которые зачастую связаны с более высокими вознаграждениями, чем уголовные дела. Расширение членской базы также, безусловно, будет способствовать улучшению финансирования деятельности ФПА – что в свою очередь сделает ее более автономной.

Вместе с тем, получив монополию на контроль за профессиональной деятельностью, ФПА будет вынуждена начать реагировать на инициативы и вопросы, идущие «снизу» - в том числе касающиеся нарушений прав клиентов и нарушений прав самих адвокатов. Одновременно, получив поддержку от власти, ФПА может столкнуться с неформальным давлением «сверху» с целью исключения из профессии наиболее активных адвокатов-правозащитников.

Мы не можем сейчас предсказать, какой будет реакция профессиональной элиты на подобное давление сверху и снизу.

Вполне возможно, что лидеры сообщества, опираясь на «молчаливое большинство», предпочтут быть лояльными власти и в том числе пойдут на исключение из профессии оппозиционно настроенных адвокатов. Как было показано выше, подобное развитие событий имело место в 1990-е годы в Тунисе. По такому же сценарию в последние годы действовали лидеры юридической ассоциации Китая. Однако в средне- и долгосрочном плане такая стратегия чревата дискредитацией действующей «официальной» профессиональной элиты и ослаблением роли всего адвокатского сообщества²⁷.

²⁴ См., например, *Бурбин В.* (2010). Адвокатская монополия: за и против. Как добиться, чтобы оказывать юридические услуги могли только те, кто делает это качественно? // *Новая Адвокатская Газета*, № 20, октябрь 2010 года. (<http://www.advgazeta.ru/rubrics/13/557>).

²⁵ См.: *Халатов С.* (2015). Внезапная адвокатская монополия // *Ведомости*, № 3979 от 11.12.2015. (<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/12/11/620556-advokatskaya-monopoliya>).

²⁶ См.: (<http://rg.ru/2016/01/14/advokatura.html>).

²⁷ В комментарии на предшествующую версию данной статьи Е. Ходжаева отметила, что стоит разделять понятия «лидеры профессионального сообщества» и «руководство юридических ассоциаций», которые совпадают между собой

Другой возможный сценарий предполагает, что лидеры сообщества под давлением «снизу» начнут дистанцироваться от власти, как это произошло в середине 1980-х – начале 1990-х в Тайване. Схожий вариант развития событий имел место в Пакистане в 2007-2008 годах, когда президент Мушарраф был вынужден уйти в отставку, столкнувшись с массовыми протестами, инициированными юристами.

При выборе между этими сценариями в российских условиях существенную роль, безусловно, будет играть наличие «селективных стимулов» со стороны государства (реализуемых через расширение финансирования работы адвокатов по назначению суда, через вовлечение представителей ФПА в процесс законотворческой деятельности в рамках соответствующей правительственной комиссии и т.д.). Эти инструменты могут способствовать повышению лояльности власти в элите адвокатского сообщества. Вместе с тем на изменение баланса сил внутри самой ФПА может повлиять включение в состав адвокатуры представителей юридических фирм, которые преимущественно работают по заказам бизнеса, отличаются существенно более либеральными взглядами и при этом обладают достаточно большими финансовыми ресурсами. Усиление роли юридического бизнеса в рамках ФПА с течением времени может создать предпосылки для большего дистанцирования адвокатской корпорации от власти.

Заключение

В данной статье, используя данные о развитии адвокатского сообщества в современной России и опираясь на предложенную Д. Нортон, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгатом концепцию «порядков ограниченного доступа», мы попытались показать некоторые общие тенденции в эволюции элитных профессиональных организаций в ПОД. Эта эволюция может быть описана в следующей логике:

1. Правящая элита, заинтересованная в настройке механизмов контроля над определенными социальными или профессиональными группами, идет на создание профессиональных ассоциаций, наделяя их определенными ресурсами и давая им определенные полномочия.

2. Реальное управление профессиональной ассоциацией концентрируется в руках профессиональной элиты, которая в обмен на доступ к потокам ренты демонстрирует лояльность по отношению к правящей элите. Одновременно в целях поддержания стабильности часть полученной ренты профессиональная элита должна передавать рядовым членам ассоциации, мобилизуя их на поддержку политического режима.

3. В случае, если происходит сокращение потоков ренты, профессиональная элита может оказать давление на правящую коалицию. При этом сама организационная структура ассоциации, сформированная в целях обеспечения контроля над профессиональным сообществом в интересах правящей элиты, может быть использована для протестной мобилизации. То есть профессиональная элита получает рычаг давления на правящую элиту.

4. Однако этот рычаг давления оказывается эффективным лишь в случае, если профессиональная элита сохраняет связь с «массами», способна улавливать их запросы и может взаимодействовать с правящей элитой от имени «масс» (тем самым в определенной мере дистанцируясь от правящей элиты). Именно эта траектория, на наш взгляд, соответствует логике возникновения «долгоживущих организаций», которые не зависят от своих учредителей и способны отстаивать интересы более

отнюдь не во всех странах. По ее мнению, в рамках сценария сращивания действующего руководства профессиональных ассоциаций с правящей политической элитой в сообществе могут возникнуть альтернативные более влиятельные центры (например, на основе «Команды 29» и подобных проектов), которые при поддержке крупного юридического бизнеса могут перехватить инициативу у официальных представительных органов адвокатуры. Мы в целом согласны с этим замечанием, но хотим подчеркнуть, что внутренний раскол (выражающийся в расхождении понятий «лидеры сообщества» и «руководство ассоциаций») сам по себе означает слабость позиций данной профессии в диалоге с государством и обществом, а также ограничивает возможности влияния на социально-политические процессы для ее представителей.

широких социальных групп в рамках «порядков ограниченного доступа». Напомним, что в понимании NWW возникновение таких организаций является одним из «пороговых условий» для перехода к «порядкам открытого доступа».

5. Неспособность решить задачи, обозначенные в п.4, в условиях сокращения потоков ренты будет порождать рост напряжения в профессиональном сообществе и – рано или поздно – приведет к смене власти в рамках профессиональной ассоциации: путем ее раскола на более мелкие конкурирующие объединения либо путем смены лидеров ассоциации. Такая траектория, по сути, будет эквивалента институциональной деградации «порядка ограниченного доступа» - с движением от его зрелой стадии к базовой или даже хрупкой.

Эволюцию юридического сообщества на Тайване можно считать примером реализации траектории, описанной в п.4. Иллюстрацией траектории, описанной в п.5, можно считать судьбу большинства элитных профессиональных организаций, созданных в свое время в СССР в сферах, которые считались приоритетными для правящей элиты. Например, в советский период к таким привилегированным профессиональным группам относились «бойцы идеологического фронта» (писатели, кинематографисты, театральные деятели, журналисты) и ученые – от которых требовалась не просто политическая лояльность, но творческая отдача, что предполагало наличие определенной степени свободы. Именно поэтому у «творческих союзов», а также у Академии наук в СССР был доступ к системе спец.снабжения, свои дома творчества, санатории, возможности для зарубежных командировок, а также определенная внутренняя автономия.

Однако тесное сращивание профессиональной элиты этих сообществ с правящей политической элитой привело к тому, что в момент острых социально-политических потрясений конца 1980-х годов соответствующие профессиональные организации оказались не способны играть роль механизмов обратной связи и выполнять функцию «приводных ремней» системы. Следствием этого стала не только деградация этих организаций, но и болезненный распад всей системы. Применительно к бывшему социалистическому блоку в качестве альтернативного варианта развития (в чем-то близкого к варианту Тайваня) можно привести пример Польши, где фактором социально-политической стабилизации и запуска переговорного процесса между властью и оппозицией стало наличие институционально сильных и автономных от государства организаций – в лице профсоюза «Солидарность», а также структур католической церкви.

Современная Россия (при всех искажениях в институтах) радикально отличается от СССР тем, что в основе действующего общественного порядка лежит рынок. Это порождает два следствия. Во-первых, рынок не может функционировать без частного бизнеса и при всех изменениях в отношениях с властью в период правления В. Путина бизнес объективно был и остается привилегированной социальной группой с сильными собственными организациями (РСПП, Деловая Россия, ОПОРА, ТПП, а также многочисленные отраслевые ассоциации). Во-вторых, рынок отличается гораздо более сложной структурой, чем плановое хозяйство. Функционирование рынка опирается на более сложные «правила игры» - и это порождает потребность в специалистах, способных понимать и интерпретировать эти правила, а также урегулировать споры и конфликты, возникающие во взаимодействиях между экономическими агентами. Во всем мире в этой роли традиционно выступали юристы. Статус юридической профессии повышался по мере того, как правила становились более формальными и начинали переходить из чистой экономики в сферу политических отношений. Это растущее признание юридической профессии было характерно для всех стран, проходивших процесс рыночной и демократической трансформации.

Сказанное означает, что в рамках «порядков ограниченного доступа» юристы как профессиональное сообщество оказываются одной из значимых профессиональных групп, лояльность которой важна для правящей элиты. И

правлящая элита будет готова, с одной стороны, привлекать юристов в свои ряды (обеспечивая им возможности социального лифта в правительстве, а также в судебной и правоохранительной системе). С другой стороны, правящая элита до определенных пределов будет готова предоставлять «селективные стимулы» тем юристам, которые непосредственно не интегрированы в госаппарат и могут выступать на стороне оппозиции. К категории таких юристов, прежде всего, относятся адвокаты. Объективной предпосылкой для их потенциальной оппозиционности является тот факт, что принципы справедливости относятся к базовым для юридической профессии. Но эти принципы плохо работают в «порядках ограниченного доступа», которые традиционно отличаются высоким уровнем социального неравенства.

Возвращаясь к перспективам эволюции адвокатского сообщества в России, мы должны подчеркнуть, что на сегодняшний день Федеральная палата адвокатов представляет собой крупнейшую в России некоммерческую организацию, которая действует на основе специального закона, имеет разветвленную региональную сеть и обладает высокой степенью автономии. Этот статус ФПА, по нашему мнению, стал возможен в силу тех уступок, на которые пошла правящая элита в 2000-е годы для обеспечения политической лояльности адвокатов. При этом, если провести аналогии с юридическими ассоциациями в других странах, ФПА по разным причинам до сих пор не реализовала тот потенциал, который она получила вместе с этим статусом. Дальнейшая судьба этой уникальной организации находится в руках действующей профессиональной элиты. В «плохом сценарии» отрыва от «масс» и сращивания с правящей элитой ФПА может повторить судьбу «творческих союзов» конца советского периода. Вместе с тем с учетом того, что лидеры ФПА сами являются действующими адвокатами, более вероятным нам представляется сценарий постепенного дистанцирования ФПА от правящей элиты – и в этом случае в условиях сильных социально-политических потрясений ФПА сможет претендовать на роль независимого посредника и площадки для переговоров между ключевыми элитными группами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Казун А. и Яковлев А. (2015). Адвокатское сообщество и качество правоприменения в России // *Экономическая политика*, Т. 10, № 5, с. 7-37.
- Казун А., Ходжаева Е. и Яковлев А. (2015). Адвокатское сообщество России. (Серия «Аналитические обзоры по проблемам правоприменения»). СПб.: ИПП ЕУСПб.
- Моисеева Е. и Бочаров Т. (2016). Плюсы и минусы адвокатской монополии // *Ведомости*, № 4004 от 29.01.2016. (<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/29/625981-plyusi-minusi-advokatskoi-monopolii> – Дата обращения: 08.06.2016).
- Тумаев К. (2014). Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда // *Экономическая социология*, Т. 15, № 3, с. 88–118.
- Ходжаева Е. и Рабовски Ю. (2015). Стратегии и тактики адвокатов в условиях обвинительного уклона в России // *Социология власти*, Т. 27, № 2, с. 135–167.
- Abbott A. (2014). *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago: Chicago University Press.
- Ahmed Z. S. and Stephan M. J. (2010). Fighting for the Rule of Law: Civil Resistance and the Lawyers' Movement in Pakistan // *Democratization*, vol. 17, no. 3, pp. 492–513. (<http://doi.org/10.1080/13510341003700360> – Дата обращения: 08.06.2016).
- Alexander A. (2010). Leadership and Collective Action in the Egyptian Trade Unions // *Work, Employment and Society*, vol. 24, no. 2, pp. 241–259. (<http://doi.org/10.1177/0950017010362144> – Дата обращения: 08.06.2016).

Andersen S. and Oldham D. (2003). Commentary: The Role of the Organized Bar in Promoting an Independent and Accountable Judiciary // Ohio State Law Journal, vol. 64, pp. 341–345.

Andrews K. T. and Caren N. (2010). Making the News Movement Organizations, Media Attention, and the Public Agenda // American Sociological Review, vol. 75, no. 6, pp. 841–866. (<http://doi.org/10.1177/0003122410386689> – Дата обращения: 08.06.2016).

Barclay S. and Chomsky D. (2014). How Do Cause Lawyers Decide When and Where to Litigate on behalf of Their Cause? // Law and Society Review, vol. 48, no. 3, pp. 595–620. (<http://doi.org/10.1111/lasr.12093> – Дата обращения: 08.06.2016).

Boukalas C. (2013). Politics as Legal Action/Lawyers as Political Actors. Towards a Reconceptualisation of Cause Lawyering // Social and Legal Studies, vol. 22, no. 3, pp. 395–420. (<http://doi.org/10.1177/0964663912471552> – Дата обращения: 08.06.2016).

Doner R. and Schneider B. R. (2000). Business Associations and Economic Development: Why Some Associations Contribute More Than Others // Business and Politics, vol. 2, no. 3, pp. 261–288.

Freidson E. (1988). Professional Powers: A Study of the Institutionalization of Formal Knowledge. Chicago: Chicago University Press.

Gerber T. P. and Mendelson S. E. (2008). Public Experiences of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing? // Law and Society Review, vol. 42, no. 1, pp. 1–44. (<http://doi.org/10.1111/j.1540-5893.2008.00333.x> – Дата обращения: 08.06.2016).

Gobe E. (2010). The Tunisian Bar to the Test of Authoritarianism: Professional and Political Movements in Ben Ali's Tunisia (1990–2007) // The Journal of North African Studies, vol. 15, no. 3, pp. 333–347. (<http://doi.org/10.1080/13629380903251478> – Дата обращения: 08.06.2016).

Gobe E. and Salaymeh L. (2015). Tunisia's "Revolutionary" Lawyers: From Professional Autonomy to Political Mobilization // Law and Social Inquiry, vol. 41, no. 2, pp. 311–345. (<http://doi.org/10.1111/lsi.12154> – Дата обращения: 08.06.2016).

Gould J. (2006). Strong Bar, Weak State? Lawyers, Liberalism and State Formation in Zambia // Development and Change, vol. 37, no. 4, pp. 921–941. (<http://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2006.00507.x> – Дата обращения: 08.06.2016).

Granfield R. (2009). Private Lawyers and The Public Interest: the Evolving Role of Pro Bono in The Legal Profession. Oxford: Oxford University Press.

Hajjar L. (1997). Cause Lawyering in Transnational Perspective: National Conflict and Human Rights in Israel/Palestine // Law and Society Review, vol. 31, no. 3, pp. 473–504. (<http://doi.org/10.2307/3054043> – Дата обращения: 08.06.2016).

Halliday T. C., Powell M. J. and Granfors M. W. (1993). After Minimalism: Transformations of State Bar Associations from Market Dependence to State Reliance, 1918 to 1950 // American Sociological Review, vol. 58, no. 4, pp. 515–535.

Kazun A. (2015). Violent Corporate Raiding in Russia: Preconditions and Protective Factors // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization, vol. 23, no. 4, pp. 459–484.

Kazun A. and Yakovlev A. A. (2014). Who Demands Collective Action in an Imperfect Institutional Environment? A Case-Study of the Professional Community of Attorneys in Russia. (<http://papers.ssrn.com/abstract=2515351> – Дата обращения: 08.06.2016).

Kelly J. E. (1998). Rethinking Industrial Relations: Mobilization, Collectivism and Long Waves. London: Psychology Press.

Liu S., Liang L. and Halliday T. C. (2014). The Trial of Li Zhuang: Chinese Lawyers' Collective Action against Populism // Asian Journal of Law and Society, no. 1, pp. 79–97.

McEvoy K. and Rebouche R. (2007). Mobilizing the Professions: Lawyers, Politics, and the Collective Legal Conscience // Morison J., McEvoy K. and Anthony G. (eds.). Judges, Transition, and Human Rights. Oxford: Oxford University Press, pp. 275–314. (<http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199204939.001.0001/acprof-9780199204939-chapter-14> – Дата обращения: 08.06.2016).

Michelson E. (2007). Lawyers, Political Embeddedness, and Institutional Continuity in China's Transition from Socialism // *American Journal of Sociology*, vol. 113, no. 2, pp. 352–414. (<http://doi.org/10.1086/518907> – Дата обращения: 08.06.2016).

Naylor R. (1989). Strikes, Free Riders, and Social Customs // *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 104, no. 4, pp. 771–785. (<http://doi.org/10.2307/2937867> – Дата обращения: 08.06.2016).

North D. C., Wallis J. J. and Weingast B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

North D. C., Wallis J. J., Webb S. B. and Weingast B. R. (eds.). (2013). *In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development*. Cambridge: Cambridge University Press.

Osipian A. (2012). Predatory Raiding in Russia: Institutions and Property Rights After the Crisis // *Journal of Economic Issues*, vol. 46, no. 2, pp. 469–479. (<http://doi.org/10.2753/JEI0021-3624460222> – Дата обращения: 08.06.2016).

Rochlitz M. (2014). Corporate Raiding and the Role of the State in Russia // *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no. 2-3, pp. 89–114. (<http://doi.org/10.1080/1060586X.2013.856573> – Дата обращения: 08.06.2016).

The Pakistani Lawyers' Movement and the Popular Currency of Judicial Power (2010). // *Harvard Law Review*, vol. 123, no. 7, pp. 1705–1726. (http://cdn.harvardlawreview.org/wpcontent/uploads/pdfs/vol123_pakistani_lawyers_movement.pdf – Дата обращения: 08.06.2016).

Winn J. K. and Yeh T. (1995). Advocating Democracy: The Role of Lawyers in Taiwan's Political Transformation // *Law and Social Inquiry*, vol. 20, no. 2, pp. 561–599.

Yakovlev A., Sobolev A. and Kazun A. (2014). Means of Production Versus Means of Coercion: Can Russian Business Limit the Violence of a Predatory State? // *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no. 2-3, pp. 171–194. (<http://doi.org/10.1080/1060586X.2013.859434> – Дата обращения: 08.06.2016).

REFERENCES

Abbott A. (2014). *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago, Chicago University Press.

Ahmed Z. S. and Stephan M. J. (2010). Fighting for the Rule of Law: Civil Resistance and the Lawyers' Movement in Pakistan. *Democratization*, vol. 17, no. 3, pp. 492–513. (<http://doi.org/10.1080/13510341003700360> - Access Date: 08.06.2016).

Alexander A. (2010). Leadership and Collective Action in the Egyptian Trade Unions. *Work, Employment and Society*, vol. 24, no. 2, pp. 241–259. (<http://doi.org/10.1177/0950017010362144> - Access Date: 08.06.2016).

Andersen S. and Oldham D. (2003). Commentary: The Role of the Organized Bar in Promoting an Independent and Accountable Judiciary. *Ohio State Law Journal*, vol. 64, pp. 341–345.

Andrews K. T. and Caren N. (2010). Making the News Movement Organizations, Media Attention, and the Public Agenda. *American Sociological Review*, vol. 75, no. 6, pp. 841–866. (<http://doi.org/10.1177/0003122410386689> - Access Date: 08.06.2016).

Barclay S. and Chomsky D. (2014). How Do Cause Lawyers Decide When and Where to Litigate on behalf of Their Cause? *Law and Society Review*, vol. 48, no. 3, pp. 595–620. (<http://doi.org/10.1111/lasr.12093> - Access Date: 08.06.2016).

Boukalas C. (2013). Politics as Legal Action/Lawyers as Political Actors. Towards a Reconceptualisation of Cause Lawyering. *Social and Legal Studies*, vol. 22, no. 3, pp. 395–420. (<http://doi.org/10.1177/0964663912471552> - Access Date: 08.06.2016).

Doner R. and Schneider B. R. (2000). Business Associations and Economic Development: Why Some Associations Contribute More Than Others. *Business and Politics*, vol. 2, no. 3, pp. 261–288.

- Freidson E.* (1988). *Professional Powers: A Study of the Institutionalization of Formal Knowledge*. Chicago, Chicago University Press.
- Gerber T. P.* and *Mendelson S. E.* (2008). Public Experiences of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing? *Law and Society Review*, vol. 42, no. 1, pp. 1–44. (<http://doi.org/10.1111/j.1540-5893.2008.00333.x> - Access Date: 08.06.2016).
- Gobe E.* (2010). The Tunisian Bar to the test of authoritarianism: professional and political movements in Ben Ali's Tunisia (1990–2007). *The Journal of North African Studies*, vol. 15, no. 3, pp. 333–347. (<http://doi.org/10.1080/13629380903251478> - Access Date: 08.06.2016).
- Gobe E.* and *Salaymeh L.* (2015). Tunisia's "Revolutionary" Lawyers: From Professional Autonomy to Political Mobilization. *Law and Social Inquiry*, vol. 41, no. 2, pp. 311–345. (<http://doi.org/10.1111/lasi.12154> - Access Date: 08.06.2016).
- Gould J.* (2006). Strong Bar, Weak State? Lawyers, Liberalism and State Formation in Zambia. *Development and Change*, vol. 37, no. 4, pp. 921–941. (<http://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2006.00507.x> - Access Date: 08.06.2016).
- Granfield R.* (2009). *Private Lawyers and the Public Interest: the Evolving Role of Pro Bono in the Legal Profession*. Oxford, Oxford University Press.
- Hajjar L.* (1997). Cause Lawyering in Transnational Perspective: National Conflict and Human Rights in Israel/Palestine. *Law and Society Review*, vol. 31, no. 3, pp. 473–504. (<http://doi.org/10.2307/3054043> - Access Date: 08.06.2016).
- Halliday T. C., Powell M. J.* and *Granfors M. W.* (1993). After Minimalism: Transformations of State Bar Associations from Market Dependence to State Reliance, 1918 to 1950. *American Sociological Review*, vol. 58, no. 4, pp. 515–535.
- Kazun A.* (2015). Violent Corporate Raiding in Russia: Preconditions and Protective Factors. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 23, no. 4, pp. 459–484.
- Kazun A.* and *Yakovlev A.* (2015). Community of Attorneys and the Quality of Law Enforcement in Russia. *Economic Policy*, vol. 10, no. 5, pp. 7–37. (In Russian).
- Kazun A., Khodzhaeva E.* and *Yakovlev A.* (2015). Community of Attorneys of Russia. (Series of Analytical reviews on the Rule of Law). Saint-Petersburg, Institute for the Rule of Law at European University at Saint-Petersburg. (In Russian).
- Kazun A.* and *Yakovlev A. A.* (2014). Who Demands Collective Action in an Imperfect Institutional Environment? A Case-Study of the Professional Community of Attorneys in Russia. (<http://papers.ssrn.com/abstract=2515351> - Access Date: 08.06.2016).
- Kelly J. E.* (1998). *Rethinking Industrial Relations: Mobilization, Collectivism, and Long Waves*. London, Psychology Press.
- Khodzhaeva E.* and *Rabovski J.* (2015). Strategies and Tactics of Criminal Defenders in the Context of 'Accusatorial Bias' ('obvinitelinyi uklon') in Russia. *Sociology of Power*, vol. 27, no. 2, pp. 135–167. (In Russian).
- Liu S., Liang L.* and *Halliday T. C.* (2014). The Trial of Li Zhuang: Chinese Lawyers' Collective Action against Populism. *Asian Journal of Law and Society*, no. 1, pp. 79–97.
- McEvoy K.* and *Rebouche R.* (2007). Mobilizing the Professions: Lawyers, Politics, and the Collective Legal Conscience // *Morison J., McEvoy K.* and *Anthony G.* (eds.). *Judges, Transition, and Human Rights*. Oxford: Oxford University Press, pp. 275–314. (<http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199204939.001.0001/acprof-9780199204939-chapter-14> - Access Date: 08.06.2016).
- Michelson E.* (2007). Lawyers, Political Embeddedness, and Institutional Continuity in China's Transition from Socialism. *American Journal of Sociology*, vol. 113, no. 2, pp. 352–414. (<http://doi.org/10.1086/518907> - Access Date: 08.06.2016).
- Moiseeva E.* and *Bocharov T.* (2016). The Pros and Cons of the Advocate's Monopoly. *Vedomosti*, no. 4004 of 29.01.2016. (<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/29/625981-plyusi-minusi-advokatskoi-monopolii> - Access Date: 08.06.2016). (In Russian).

Naylor R. (1989). Strikes, Free Riders, and Social Customs. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 104, no. 4, pp. 771–785. (<http://doi.org/10.2307/2937867> - Access Date: 08.06.2016).

North D. C., Wallis J. J. and Weingast B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, New York, Cambridge University Press.

North D. C., Wallis J. J., Webb S. B. and Weingast B. R. (eds.). (2013). *In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development*. Cambridge, Cambridge University Press.

Osipian A. (2012). Predatory Raiding in Russia: Institutions and Property Rights after the Crisis. *Journal of Economic Issues*, vol. 46, no. 2, pp. 469–479. (<http://doi.org/10.2753/JEI0021-3624460222> - Access Date: 08.06.2016).

Rochlitz M. (2014). Corporate raiding and the role of the state in Russia. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no. 2-3, pp. 89–114. (<http://doi.org/10.1080/1060586X.2013.856573> - Access Date: 08.06.2016).

The Pakistani lawyers' movement and the popular currency of judicial power (2010). *Harvard Law Review*, vol. 123, no. 7, pp. 1705–26. (http://cdn.harvardlawreview.org/wpcontent/uploads/pdfs/vol123_pakistani_lawyers_movement.pdf - Access Date: 08.06.2016).

Titaev K. (2014). Pretrial Detention in Russian Criminal Justice: Sociological Analysis of the Probability of Pretrial Detention and its Influence on Court Decisions. *Economic Sociology*, vol. 15, no. 3, pp. 88–118. (In Russian).

Winn J. K. and Yeh T. (1995). Advocating Democracy: The Role of Lawyers in Taiwan's Political Transformation. *Law and Social Inquiry*, vol. 20, no. 2, pp. 561–599.

Yakovlev A., Sobolev A. and Kazun A. (2014). Means of production versus means of coercion: can Russian business limit the violence of a predatory state? *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no. 2-3, pp. 171–194. (<http://doi.org/10.1080/1060586X.2013.859434> - Access Date: 08.06.2016).